

Модернизация актуальна всегда

Человечество всегда устремлено вперед. Цели, задачи, жизненные ориентиры его связаны с будущим. На прошлое лишь оглядываются. Оно – мозаично, будущее – магистрально.

В обычной жизни это называют самосовершенствованием, стремлением к улучшению себя, качества жизни общества. Научным языком то же самое явление обозначено как модернизация. Как правило, это слово употребляется в положительном контексте. В современной России модернизация стала едва ли не новой национальной идеологией. И здесь наши соседи не изобрели велосипед. На планете накоплен огромный опыт подобных проектов, как успешных, так и провальных. О путях модернизации за рубежом, перспективах ее осуществления в России, проблемах, которые возникают при этом, мы побеседовали с известным российским ученым Виктором КРАСИЛЬЩИКОВЫМ.

– Виктор Александрович, Вы уже около 20 лет занимаетесь изучением зарубежного опыта модернизационного развития, и в Ваших работах постоянно увязываются два понятия: авторитаризм и модернизация. В общественном сознании авторитаризм прочно ассоциируется с чем-то негативным: диктатурой, репрессиями, цензурой. Исходя же из Вашей концепции, авторитаризм и модернизация – два явления не только совместимые, но и взаимоувязанные. Значит, модернизация без авторитаризма невозможна?

– На первых порах модернизация действительно нуждается в определенном механизме принуждения, иначе говоря, в авторитарном режиме. Другое дело, какой это авторитаризм. Не бывает авторитаризма вообще. Это абстракция, которую очень любят наши доморощенные либералы, отличающиеся, кстати говоря, удивительным политическим и интеллектуальным провинциализмом. Есть, условно говоря, авторитаризм охранительный, который обеспечивает в политическом и правовом плане господство старых социальных сил, господство традиционных олигархий, дает им возможность нещадно эксплуатировать простой народ, подавляя малейшие признаки недовольства существующими порядками со стороны населения. Но из-

вестен и авторитаризм иного типа – тот, который мобилизует ресурсы общества для ускоренного развития, принуждая к обновлению.

Правда, есть пример Индии, где активно идет процесс модернизации, и страна на этом пути добилась существенных результатов. Там создаются новые отрасли экономики, основанные на использовании высоких технологий, то, что у нас называют наукоемким производством. При этом Индия – демократическая страна, в которой на практике реализуются принципы политической конкуренции, регулярно проводятся выборы, хорошо работает парламентская система, есть независимый суд, другие политико-правовые институты, которые были унаследованы от англичан.

НАШЕ ДОСЬЕ

КРАСИЛЬЩИКОВ Виктор Александрович.

Родился в 1952 году в Москве. Окончил экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР.

В настоящее время заведующий сектором Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО Российской академии наук. Координатор рабочей группы «Трансформации в мировой системе – сравнительные исследования развития» Европейской Ассоциации исследовательских и учебных институтов по проблемам развития (EADI).

Доктор экономических наук (2002).

Автор многочисленных публикаций и книг, в том числе «Модернизация: зарубежный опыт и Россия» (в соавторстве, 1994), «Подъем и упадок догоняющего развития» (на англ. яз.; 2008, 2010).

Однако, на мой взгляд, здесь мы имеем дело с уникальным явлением, которое можно назвать парламентским авторитаризмом. И связано это, в частности, с сохранением кастовой системы. Формально по индийской Конституции деление на касты запрещено, вне закона объявлена и дискриминация по религиозному или кастовому признаку. Но то, что существовало на протяжении трех тысячелетий, не может исчезнуть за 50–60 лет современного развития. И, как ни парадоксально это звучит, именно кастовая система во многом обеспечивает Индии стабильность при наличии парламентской демократии британского типа. Во-первых, многие люди воспринимают свою жизнь как нечто предопределенное и согласны мириться с этим в надежде на то, что в следующей жизни им повезет больше. Во-вторых, кастовая система обеспечивает известный консенсус, особенно в элитных кругах, относительно стратегии развития страны. Кастовая система дисциплинирует общество, обеспечивает трансляцию вниз, на нижние этажи социума, идей, которые вырабатываются в среде стратегов (брахманов), ведущих политиков. Это, придавая стабильность индийской политической демократии, одновременно способствует выработке общей стратегии модернизации.

Но в целом, безусловно, та или иная степень авторитаризма необходима в условиях модернизации, особенно на первых порах.

– **И все-таки примеров авторитаризма развития не так уж и много. В истории более известен как раз тип авторитаризма охранительного, реакционного. И в этом случае экономика страны не только не модернизируется, но и замораживается на долгие годы. Пожалуй, наиболее яркий пример представляют классические военные хунты Латинской Америки, которые превратили свои страны в пресловутые «банановые республики».**

– Конечно, примеров таких авторитаризмов в истории Латинской Америки, да и не только Латинской Америки, можно найти великое множество. Но есть авторитаризмы другого рода. Это режимы модернизации и развития. Такие авторитарные режимы обеспечивают в обществе именно ту стабильность, которая необходима для ускоренного

форсированного развития. Они последовательно проводят линию на мобилизацию и концентрацию всех ресурсов, которые необходимы для модернизации, обеспечивают, если хотите, принуждение к модернизации, к инвестированию в те отрасли, которые как раз олицетворяют собой завтрашний день экономики страны. Когда в 1961 году в Южной Корее пришел к власти генерал Пак Чон Хи, он поставил крупных предпринимателей перед дилеммой: либо вы делаете инвестиции в нужные для модернизации страны отрасли промышленности, либо я прикажу посадить вас в тюрьму. При этом южнокорейский авторитаризм, как и другие модернизаторские авторитарные режимы (в Сингапуре или на Тайване, например), обеспечивал решение проблемы грамотности населения. Профессия учителя была одной из самых престижных и высокооплачиваемых. Достаточно сказать, что в Южной

Сборка мобильных телефонов на заводе LG Electronics в городе Пхэнтхэк, Южная Корея

Корее при диктатуре того же Пака еще в середине 1970-х годов жалование школьного учителя было равно жалованию капитана корейской армии, а начинающий преподаватель университета получал столько же, сколько получал майор. А ведь не нужно забывать, что в обстановке постоянной конфронтации на Корейском полуострове армия в Южной Корее была своего рода привилегированным сословием.

Фактически под эгидой авторитаризмов развития в обществе происходили прогрессивные сдвиги в социальной и профессиональной структуре. И тем самым создавались предпосылки для перехода к реальной демократии. Кстати, переход от авторитаризма развития к демократии гораздо легче, чем превращение реакционного, охранительного авторитаризма в авторитаризм развития. Мне лично известен только один пример, когда такой реакционный авторитаризм превратился в авторитаризм развития. Это режим Франко в Испании. Трансформация этого режима протекала в течение 1950–1960-х годов. Поздний франкизм, который стал авторитаризмом развития, безусловно, обеспечил Испании мощный экономический и технологический рывок

и, таким образом, подготовил объективные предпосылки для собственного ухода со сцены и демократизации страны.

– Так в чем же тогда причины столь разной природы авторитаризма? Да и как их отличить, особенно на стадии становления авторитарного режима? Скажем, диктатура Пиночета была авторитаризмом какого типа?

– Разумеется, оба типа авторитаризма не отделены друг от друга непреодолимой стеной. Все зависит от характера и социальной структуры общества, от функций, которые выполняет тот или иной режим. Наши российские, наверное, и ваши белорусские «либералы» часто ссылаются на опыт Чили при Пиночете, плохо представляя себе, что там на самом деле происходило. Их, конечно же, больше всего в деятельности Пиночета привлекает то, как он расправился с людьми, которые «мешали» процессу его модернизации, то есть с левыми силами. Поскольку наши демократы это еще те «демократы», то они сами для себя сочинили сказку о том, что стоит установить «правильную» диктатуру, которая обеспечит развитие рынка, и все само собой наладится. В данном случае надо иметь в виду, что Чили в 1970-е годы несколько отличалась от других стран Латинской Америки. Отличалась не только укорененностью демократических процедур и институтов, но и тем, что чилийская буржуазия, в противоположность, скажем, аргентинской и мексиканской промышленной буржуазии или национальной буржуазии Бразилии, не слишком охотно приняла модель импортозамещающей индустриализации, которая была характерна в середине XX века для ряда стран Латинской Америки. Чилийская буржуазия не приняла эту модель, хотя и считалась с ней. Само установление режима Пиночета явилось реакцией чилийской буржуазии и Соединенных Штатов на те преобразования в направлении социализма, которые осуществлялись правительством Народного единства под руководством президента Альенде.

Теперь о том, что реально делал Пиночет. На первый взгляд, он проводил политику шоковой терапии. Но, в отличие от СНГовских либералов, не делал таких явных глупостей, как обвальная приватизация. В первую очередь были возвращены хозяевам те предприятия, которые национализировали

за годы правления правительства Народного единства. Но при этом в Чили оставался большой государственный сектор, созданный за годы импортозамещающей индустриализации. И приватизация этого государственного сектора, который был еще до прихода к власти правительства Народного единства в 1970 году, осуществлялась постепенно. Иногда предприятие подготавливалось к торгам в течение нескольких лет, и приватизация проводилась по частям, пакетами. При этом Пиночет не приватизировал электроэнергетику, систему связи и национализированную при Альенде меднорудную промышленность. Поборник свободного рынка, он не стал возвращать в частные руки, включая руки американского капитала, эту ключевую отрасль экономики Чили. Доходы от экспорта продукции меднорудной промышленности использовались для нужд армии. В 1979 году эта либеральная модель, которую Пиночет насадил при помощи пулеметов и «чикагских мальчиков», сторонников оголтелого монетаризма, дала сбой. Да она и не могла не дать сбой. Страна пережила очень серьезный кризис, продолжавшийся более трех лет. В одном лишь 1982 году ВВП упал на 14 %. В это время у диктатора хватило ума выгнать «чикагских мальчиков» и сменить экономический курс. Министром экономики стал Эрнан Бучи, который проводил государственную политику поощрения экспорта. Но это был не тот экспорт, которым прославились новые индустриальные страны Азии. Это был экспорт традиционный, основанный на модернизации старых отраслей: сельского хозяйства, рыболовства, пищевой и целлюлозно-бумажной промышленности, полиграфии. Чили при Пиночете пережила модернизацию, очень глубокую, но это была, в первую очередь, модернизация институтов рыночной экономики (кредитно-финансовой системы, торговых компаний, защиты прав собственности), отличавшаяся, например, от модернизации Южной Кореи или Малайзии, где создавались абсолютно новые отрасли промышленности и новая структура всей экономики. Фактически ценной чилийской модернизации при Пиночете явилось соскальзывание Чили по лестнице технологических укладов вниз. Грубо говоря, это была модернизация старья. Сейчас Чили пытается сменить эту модель развития, которая себя исчерпала. А высокие темпы

Чили – крупнейший в мире экспортер меди

роста экономики страны, на которые любят ссылаться либералы, наблюдались уже на излете пиночетовской диктатуры и в первые годы существования демократии.

– Вы приводите очень любопытные факты. Но давайте подойдем к вопросу с другой стороны. Авторитаризм развития может превратиться в охранительный?

– Да, это пример Фердинанда Маркоса на Филиппинах. У него были очень амбициозные планы. Но он не ликвидировал старые архаичные социальные структуры. Олигархия как была на Филиппинах, так и осталась. И даже укрепилась за время его диктатуры. Что мы наблюдаем там сейчас? Продолжающийся рост социального неравенства, разрастание нищеты. Если раньше страна экспортировала «колониальный товар», то сейчас она экспортирует микрочипы – это называется «высокотехнологичной» продукцией. Но этим все дело и ограничивается.

– В контексте модернизации уместно обсудить и опыт СССР времен правления Иосифа Сталина. Многими индустриализация и даже коллективизация воспринимаются как проявления модернизационного развития. В современной России распространена трактовка фигуры Сталина как «эффективного менеджера». При этом обычно ссылаются на высказывание Черчилля, заявившего, что Сталин принял Россию с деревянной сохой, а оставил с атомной бомбой. Насколько справедливы подобные утверждения? И было ли сталинское правление авторитаризмом развития?

– Сталинская модернизация развивалась по модели имперской модернизации. В этом плане она сродни модернизации Петра Великого в XVIII и Сергея Витте в конце XIX века. Эта модернизация была подчинена задаче создания мощного военно-технического потенциала страны. Причем любой ценой. Можно вспомнить фразу И.А. Вышнеградского, министра финансов при царе Александре III, который говорил: «Недоедим, но вывезем». В данном случае речь шла о зерне и другой сельскохозяйственной продукции, которая шла на экспорт, а на вырученные деньги закупалось оборудование, технологии для форсированной модер-

низации, прежде всего для создания тяжелой промышленности и железнодорожного строительства. Такая модернизация в условиях Российской империи, в конечном счете, проводилась за счет крестьянства и создавала внутреннюю центрально-периферическую структуру экономики всего общества, сопровождаемая глубоким социокультурным расколом. Обнищание крестьян способствовало увековечиванию архаичных социальных отношений, в том числе общины. Ведь крепостничество это не только барин, будь он злой или добрый. Крепостничество – это еще и община. Имперская модель модернизации, по которой шло развитие царской России в конце XIX – начале XX века, как раз воспроизводила эти архаичные структуры.

– И против подобной архаичной структуры боролся другой известный российский преобразователь Петр Столыпин. Кстати, подобную модель развития Ленин назвал военно-феодальным типом империализма. Возможно, это наиболее точное определение?

– Возможно, это определение очень броское, но оно схватывает если не все, то очень многие существенные черты той системы, которая сложилась в России при царе. Столыпин пытался придать новое дыхание этой системе

и во многом преуспел, но одновременно его реформы ускорили приближение ее конца. Необходимо было менять, так сказать, всю модель развития огромной страны. И при этом задачу ускоренной модернизации и индустриализации России все равно пришлось бы решать. От этого зависело существование страны. Кстати, это признавали и те экономисты, которых затем при большевиках обвиняли в меньшевизме и прочих «смертных грехах». Сталин же, по сути, продолжил дело, начатое еще при царях. Ведь его индустриализация-модернизация, как я уже сказал, во многом следовала по пути имперской модели и была направлена на создание, в первую очередь, военно-технической мощи державы. Но когда я слышу разговоры наших якобы «западников», что та модернизация не стоила ломаного гроша, то,

Строительство
Транссибирской
магистрали.
1913 год

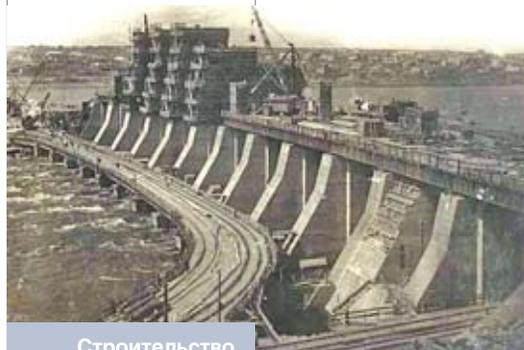
с учетом принесенных жертв, у меня возникает желание с помощью машины времени перенести эту публику куда-нибудь в Варшавское или Минское гетто 1942 или 1943 года, чтобы они поняли, какой могла быть альтернатива этой индустриализации.

– Но ведь первая пятилетка была модернизацией, проведенной «росчерком пера»...

– Верно. В годы второй пятилетки Иосиф Виссарионович вел себя более осмотрительно, поэтому она и оказалась более успешной, хотя ее результаты тоже не во всем совпадали с задуманным. Когда же сегодня задним числом осуждают Сталина, то, признавая бесспорные факты, это осуждение нужно дополнить признанием того, что и само общество в стране было, мягко говоря, плохое. Можно почитать художественную литературу, тех же Булгакова и Зощенко, чтобы убедиться в этом. И как с той публикой, которая фигурирует в их произведениях, можно было проводить индустриализацию? А давайте вспомним чеховского Дениску-злоумышленника, который отвинчивал гайки с рельс, чтобы потом их использовать в качестве груза для удочки. Но этого самого Дениску нужно было заставить работать на заводе. Требовались и принуждение, и неэкономические, социальные меры.

Вообще ключом для понимания природы всех российских модернизаций (впрочем, и не только российских) служат слова Сергея Витте: «Великая страна не может ждать». Не может ждать, пока созреют внутренние предпосылки для модернизации, пока Дениски станут полноценными пролетариями, как на Западе, а нувориши будут соответствовать описанному Максом Вебером идеалу рационального предпринимателя. Все дело в том, что потребности в новой модернизации России, связанные с внешними вызовами, возникали раньше, чем созревали внутренние предпосылки для нее. Это, между прочим, касается и горбачевской перестройки.

– Но в России были две попытки неавторитарной модернизации. Первая – Сперанского в начале XIX века, которая захлебнулась еще на стадии проектирования. Вторая – при Александре II, которая закончилась гибелью самого модернизатора.

Строительство
ДнепроГЭС.
1934 год

– В том-то и дело, что это были попытки верхушечной модернизации, которые инициировались сверху. Попытка модернизации при Александре II была крайне противоречивой. Однако тогда были заложены некоторые очень важные институциональные предпосылки модернизации. Была создана система земского самоуправления, создан независимый суд присяжных. Все это колоссально ускорило развитие капитализма, процесс модернизации в стране.

Возвращаясь к вопросу о неизбежности именно авторитарной модернизации в России и о роли Сталина в ней, я бы воздержался называть его «эффективным менеджером». Хотя надо признать, что в тогдашнем большевистском руководстве, пожалуй, не было другой фигуры, которая могла бы возглавить процесс преобразований. То, что предлагал Троцкий, по существу, мало отличалось от того, что потом делал Сталин. Только Троцкий уповал еще на победу ми-

ровой революции, Сталин же оказался жестким прагматиком, который очень хорошо чувствовал царившие в обществе настроения и использовал их – как для самой модернизации, так и для укрепления своей власти...

– И Россия должна была быть жертвой в этой мировой революции.

– Это была модель такой «левой глобализации». Причем сам Троцкий мог бы еще стать лидером авторитарной модернизации. А вот Каменев, Зиновьев, Бухарин на эту роль не тянули. Бухарин всегда был теоретиком. У него были интересные мысли насчет хода индустриализации в СССР, но лидером он быть не мог, да и не претендовал на лидерство.

– Мы подошли к очень важной проблеме – личности самого авторитарного правителя. Очевидно, она определяет во многом (если не во всем) тот или иной тип авторитаризма?

– Личность, особенно на первых порах, имеет очень большое, зачастую ключевое значение для модернизации. Я приведу вам такой пример. Генерал Сухартов провел в

Индонезии модернизацию, очень противоречивую, незавершенную. Но многие проблемы страны ему удалось решить. За годы его правления (1967–1998) заметно повысился уровень жизни и грамотности населения, экономика стала более диверсифицированной, появились новые отрасли промышленности и, самое главное, удалось создать новые общественно-политические институты, которые, хотя и со скрипом, работают до сих пор. А вот в Таиланде, где экономические и социальные достижения были куда заметнее, чем в Индонезии, эти институты оказались неработающими. Там не было диктатора-модернизатора, но там были король и череда военных хунт и гражданских правительств. Кстати, все военные перевороты, которые происходили в Таиланде, совершались с ведома короля. Сейчас институт монархии, который всегда играл в Таиланде важную стабилизирующую роль, оказался неэффективным. Да и сам король стареет. Ему уже трудно выполнять функцию арбитра в споре между очень разнородными общественно-политическими силами в стране. Еще один пример дает нам Испания. В ходе модернизации Испании личность Франко имела далеко не последнее значение. Известный ученый-испановед С.П. Пожарская доказала своими исследованиями, что Франко отнюдь не был тупым солдафоном, каким его представляли раньше.

– **Хотя и был случайным лидером...**

– Формально говоря, да, потому что генерал Санхурхо, который должен был возглавить мятеж в 1936 году, погиб в авиационной катастрофе. Но человек, который сумел буквально обвести вокруг пальца Гитлера, Муссолини, Черчилля и Рузвельта и со всеми поддерживать хорошие отношения, который не позволил втянуть себя в мировую войну на стороне нацистской Германии, вряд ли был случайным лидером. Нетрудно догадаться, что было бы с франкистской Испанией и самим Франко в 1945 году, вступи он в войну на стороне «оси». А затем он постепенно, лавируя между фалангистами и поднимающимися технократами из католического ордена «Опус Деи», все дальше шел по пути модернизации, против своей воли закладывая предпосылки для разрыва страны с прошлым.

– **Риску задать вопрос, несколько крамольный, но закономерный, если**

увязывать авторитаризм и модернизацию. Можно ли говорить о гитлеровской модели модернизации Германии? Ведь все мы знаем, что режим был кровавожадный, но при этом за шесть предвоенных лет нацистам удалось восстановить экономику, построить автобаны...

– Сюда же можно добавить, что при нацистах стали выпускать народный автомобиль «Фольксваген». Эти аргументы достаточно хорошо известны. На первых порах модернизаторские потуги были и у Гитлера, и у Муссолини. Но они очень быстро переориентировались на войну. Фактически экономика Германии перешла на военные рельсы уже в 1936–1937 годах. В целом нужно понимать, что сами цели, которые открыто провозглашались Гитлером, в корне отличались от западного проекта модерна. А Сталин, каким бы диктатором он

Сотрудник компании «Harbin Qiheng Trade» (Китай) за наладкой оборудования

ни был, провозглашал очень хорошие и правильные цели, которые как раз вписывались в общую канву модерна. Это был русский, или советский, левый вариант модерна, который Сталин использовал для укрепления своей власти, паразитируя на лозунгах Октябрьской революции. Неслучайно он имел своих сторонников на Западе, а тем более – внутри страны. Не надо думать, что советский режим держался только на репрессиях. Только на репрессиях он бы не удержался. Другое дело, что Сталину явно мешала, причем со временем все больше и больше, марксистская, то есть западноцентричная, идеологическая оболочка советской системы. И он периодически апеллировал к самым отсталым слоям общества, играя на их предрассудках и архетипах сознания.

– **Давайте обсудим еще одну модернизаторскую модель, отличающуюся своеобразием. Я имею в виду страны Восточной Европы, которые сделали ставку на присоединение к Европейскому союзу, как на катализатор и главный фактор модернизации своей экономики, общества в целом.**

– С известными оговорками присоединение к Евросоюзу можно воспринимать как модернизацию. В пользу этого говорит хотя бы тот факт, что вновь присоединившиеся государства привели свои законодательства в соответствие с требованиями

Евросоюза, а это серьезное продвижение вперед. Но ведь модернизация не сводится только к заимствованию политических и правовых институтов. К сожалению, я могу констатировать, хотя и не считаю себя специалистом по Восточной Европе, что страны этого региона, за исключением, пожалуй, Словении и Чехии, вернулись туда, где они находились до Второй мировой войны, то есть на периферию европейской, а по существу – мировой экономики, хотя и на новой, «облагороженной» основе. Кстати, мне запомнилась фраза, сказанная ректором Люблянского университета на одной из научных конференций несколько лет назад, накануне формального присоединения Словении к ЕС. Он сказал тогда: «Конечно, мы и в социалистической Югославии жили неплохо. Но после 1991 года мы не стали слушать то, что нам советовали доброты из МВФ и Всемирного банка, поэтому у нас так хорошо все получилось, и сегодня мы готовы к вступлению в ЕС». Что касается большинства стран Восточной Европы, то не стоит обольщаться их благополучными, на первый взгляд, показателями экономики. Очень далеко по пути модернизации они не продвинулись, да и вряд ли могут продвинуться. Вообще стоило бы иметь в виду, что в некоторых отношениях союз Европейский являет собой более жесткую структуру, чем бывший Союз Советский, особенно в последние десятилетия его существования. Хотя, разумеется, брюссельская бюрократия гораздо лучше обучена политесу, чем бывшая советская, не слишком образованная номенклатура.

– В последние годы появилось такое понятие, как БРИК, то есть Бразилия, Россия, Индия и Китай – наиболее динамично развивающиеся страны, обладающие солидным потенциалом. Многие эксперты именно их определяют как будущих фаворитов мировой экономики. Однако это очень непохожие страны с разными политическими режимами, интересами, в конце концов, моделями модернизации. Могли бы Вы расставить по ранжиру эту четверку: кто лидер, а кому предстоит еще многое наверстать?

– Если смотреть на экономическую динамику и путь, пройденный за последние лет тридцать-сорок, то, конечно, лидером в

этой группе является Китай. Больших успехов в своем развитии достигла и Индия. А Бразилия и сорок лет назад не была отсталой страной. Можно сослаться на слова известного социолога, предыдущего президента Бразилии Фернанду Энрике Кардозу, который говорил, что Бразилия – это не отсталая страна, это несправедливая страна. В 1970-е годы Бразилия уже имела ядерную энергетику, авиастроительную индустрию, автомобильную промышленность, машиностроение. В Индии ничего этого в таких масштабах на старте не было. А что касается общих перспектив, то наибольшие шансы полноценно войти в число развитых стран есть у Бразилии. Будем рассуждать от противного. Индия все свои экономические и технологические достижения будет использовать для того, чтобы решать внутренние, очень острые проблемы. Это и сохраняющаяся бедность широких масс, и экологические проблемы, и перенаселенность больших городов. Индийцы, конечно,

Сборка автомобилей Toyota на заводе в городе Бангалор, Индия

очень многое сделали, чтобы поднять уровень бытовой культуры. В Калькутте я видел лозунги «Чистоплотность сродни божественности». Однако для решения индийских проблем

потребуется десятилетия. Так что стране пока не до претензий на глобальное лидерство, хотя роль Индии в мире, конечно, будет возрастать.

– Очевидно, что к перечню индийских проблем нужно добавить и постоянную угрозу безопасности страны.

– Безусловно. И недаром Индия затронула огромные усилия на создание атомной бомбы. Кстати, нельзя исключить того, что Бразилия захочет сделать бомбу. Она уже давно могла бы это сделать, но принципиально не идет на такой шаг.

У Китая тоже очень много внутренних проблем. Я не уверен, что они решаются быстрее, чем возникают новые. Среди таких проблем – серьезный межрегиональный дисбаланс экономического развития. Появилась новая социально-имущественная дифференциация населения,

не свойственная китайскому обществу. Существуют очень серьезные экологические проблемы. Китай не форсирует модернизацию своего сельского хозяйства. Думаю, что это сознательная политика китайского руководства, потому что в противном случае высвободится огромное количество рабочих рук, которые нечем будет занять. В Китае, среди прочего, ускорился процесс старения населения. Кстати говоря, с точки зрения демографии самое лучшее положение из четырех стран у Бразилии. Там почти идеальный темп прироста населения. Уровень образования растет очень быстро, причем образование рассматривается как основной, хотя и не единственный рычаг всей модернизации страны. По этому поводу в Бразилии сложился широкий общественно-политический консенсус. Раньше в Бразилии при избытке рабочих рук не хватало именно умелых рабочих рук. Сейчас эта проблема начала успешно решаться. А населения в стране уже больше, чем в России, так же, как и ВВП, хотя в расчете на душу населения по этому показателю она немного отстает. У Бразилии есть и собственный научно-промышленный потенциал. У Китая пока такого потенциала нет. Китайцы очень способные и старательные ученики, очень много делают для развития науки и образования, но говорить о том, что в Китае уже в обозримом будущем будет создана инновационная экономика, пока нельзя. Бразилия гораздо ближе подошла к порогу такой экономики, чем Китай. В связи с этим можно упомянуть и производство в прошлом году 244 пассажирских самолетов «Эмбраер» для ближних и средних линий, и лидерство страны по части производства биотоплива, и электронизированную банковскую систему, и уникальные технологии сверхглубокого бурения для добычи нефти на шельфе Атлантики с глубины 5–7 тыс. метров.

– **Трудно не согласиться с аргументами, которые свидетельствуют о нарастающей мощи Бразилии как новой экономической державы. Однако создается впечатление, что ее политическое влияние не так велико. Она не может добиться решения вопроса о расширении состава постоянных членов Совета безопасности ООН. Да и харизматичный лидер Венесуэлы Уго Чавес в Латинской Америке пользуется большим авторите-**

том, хотя успехи экономики его страны гораздо скромнее бразильских. Почему так происходит? Есть ли у Бразилии своя сфера влияния в мире?

– Говоря об авторитете того или иного политического лидера, нужно все-таки уточнить, среди кого, в каких кругах он пользуется авторитетом. Думаю, что в определенных и весьма широких кругах авторитет бразильского президента Лулы да Силвы выше, чем Чавеса. Что же касается политического влияния Бразилии, то оно сегодня многовекторное и многоуровневое. Во-первых, в сфере интересов Бразилии ее соседи – Аргентина, Парагвай и Уругвай, страны, входящие вместе с ней в Меркосур, интеграционное объединение Южной Америки. Во-вторых, это и Венесуэла с Боливией, Эквадор и Перу. В-третьих, активно развиваются отношения Бразилии с Индией, Китаем и странами ЕС.

Дело в том, что у Бразилии все же больше возможностей для проведения активной внешней политики, чем у Венесуэлы. Залог того – более мощный и разнообразный потенциал страны. Кроме того, говоря о потенциальном влиянии Бразилии в мире, я бы не забывал,

что это португальскоязычная страна. Есть даже такой термин: «лузитано-тропическая цивилизация», который обозначает спайку Португалии и Бразилии. Связи между этими странами очень прочные, они постоянно взаимодействуют между собой, образуя костяк всего сообщества португальскоязычных стран. Проводятся даже регулярные спортивные игры таких стран. Кстати, бывшие португальские колонии создают своеобразные точки входа для Бразилии и в другие регионы: Макао и Гоа – в Азию, Ангола, Мозамбик и Гвинея-Бисау – в Африку. А Ангола – это нефть, что никак нельзя недооценивать. Так что Бразилия очень активна на международной арене. В то же время нельзя сказать, что бразильское руководство стремится к какому-то глобальному лидерству. Оно достаточно реалистично оценивает свои возможности и интересы. Шовинизма и урапатриотизма в Бразилии нет. Вообщем умеренность – характерная черта бразильской

Бразильский студент, изучающий компьютерную инженерию, настраивает робота

культуры, в том числе и политической. Ведь даже португальская коррида – торада – отличается от испанской тем, что она бескровная. Быка загоняют, но не убивают.

– При оценке потенциала развития четверки БРИК вы обошли вниманием Россию. Между тем нынешнее руководство этой страны, особенно президент Дмитрий Медведев, провозгласило модернизацию чуть ли не основной национальной идеей в XXI веке. Как Вы оцениваете шансы на успех очередного проекта российской модернизации? Каковы в принципе шансы России пробиться в мировые экономические лидеры?

– Боюсь, что российское руководство имеет весьма смутное представление о том, что такое модернизация. Провозгласив своей целью модернизацию страны, что само по себе не может вызывать никаких возражений, оно пытается сделать упор на инновации. Для этого решено создать своеобразные анклавов будущего, аналоги Силиконовой долины. Но российские руководители, видимо, не слишком задумываются о том, кто будет формировать спрос на созданные в этих анклавах чудо-технологии. А чтобы такой спрос появился, нужно провести реиндустриализацию страны. Только развитая промышленность может формировать такой спрос. Бессмысленно уповать на чудеса науки и техники, если мы имеем крайне примитивную структуру экономики, деградирующее население, значительная часть которого уже давно разучилась работать, и горстку нуворишей, которым никакая модернизация не нужна. Надежды на появление новых Кулибиных, Ползуновых или отечественных Биллов Гейтсов, которые вытащат Россию из угрожающей самому ее существованию отсталости, – это иллюзорные надежды, если не будет проводиться целенаправленная промышленная политика, сопряженная, к тому же, с преодолением массовой бедности и отсталости российской глубинки. Нам необходимо, в частности, существенно, с нынешних 16–18 %, поднять объем инвестиций до 25–30 % ВВП, особенно в отрасли обрабатывающей промышленности, ограничить выходящее за все разумные рамки так называемое «престижное» потребление, заняться серьезным регулированием заработной платы в разных

Во время встречи Президента Беларуси Александра Лукашенко с Президентом Бразилии Луисом Инасиу Лулой да Силвой. Март 2010 года

отраслях экономики, включая образование и науку. Боюсь, что без элементов мобилизационной модели здесь не обойтись. И чем раньше мы перейдем к такой модели, тем мягче она может быть. Но для этого нам все равно понадобится авторитарный режим, способный проводить политику ускоренного развития, способный разрушить коррупционные связи в экономике, призвать к порядку чиновников-казнокрадов. Трагедия России сегодня не в том, что у нас нет демократии, а те ее элементы, которые вроде бы есть, носят бутафорский характер. Трагедия России в том, что наш авторитаризм не является авторитаризмом развития. И я не вижу, к сожалению, предпосылок для появления такого просвещенного, модернизаторского авторитаризма. Вероятно, нам предстоит пережить ряд очень серьезных кризисов, прежде чем такой авторитаризм появится.

Таким образом, вопрос о судьбе России пока остается открытым. Шанс на прорыв есть, но с каждым годом он убывает... Со всеми вытекающими отсюда последствиями и для России, и для ее соседей, и для Запада. Я, кстати, далек от мысли, будто Запад что-то может выиграть от ослабления России, хотя люди, думающие так, на Западе есть. Любая антироссийская политика, включая и безответственную политику российских правящих кругов в отношении собственной страны, это политика и антизападная. Ведь следствием ее может быть только усиление всевозможных фундаменталистских, радикальных течений и практик, наносящих ущерб и России, и Западу.

Беседовал Вадим ГИГИН